

А. И. ФИЛЮШКИН

Сотворение Грозного царя: зачем Н. М. Карамзину был нужен «тиран всея Руси»?

«Карамзин открыл русскому обществу его историю, как Колумб открыл Америку» — эта фраза А. С. Пушкина давно стала хрестоматийной, определяющей место великого историографа в ряду отечественных историков [подробнее см.: 2, с. 93–105]. Она обычно понимается следующим образом: до Карамзина русское общество погрязало во тьме невежества, а после появления «Истории государства Российского» знания о прошлом Отечества стали обязательной частью интеллектуального багажа россиян. При этом не учитывается, что данные знания, безусловно, представлявшие собой грандиозное продвижение в науке для начала XIX века, в реальности по многим пунктам были больше приближены к легендам, чем к доказанным историческим фактам. То есть Карамзин в большей степени открыл обществу (или «сотворил», если предпочитать терминологию Ю. М. Лотмана [16]) миф российской истории, в которой концептуальный, схематический момент явно преобладал над объективными историческими реконструкциями.

Главная заслуга Карамзина — создание оформленной, складной, гармоничной, убедительной и легко усваиваемой обществом картины национальной истории [8, с. 114–140; 15, с. 72–86]. Он сформулировал ее в образном и довольно сжатом виде [19, с. 219–234] (несмотря на многотомие «Истории государства...»), что в дальнейшем не удалось повторить никому из столпов отечественной исторической мысли.

При анализе сотворения карамзинского мифа сложность в том, что историограф думал, что вовсе не сочиняет миф, а рассказывает

историческую правду. Он был абсолютно убежден в своих способностях и возможностях постичь, объяснить, истолковать прошлое. Карамзин считал, что он реконструирует подлинную историю, «как оно было на самом деле». Он искал правду, но находил миф, зато этот миф излагал так убедительно, что по многим сюжетам мы до сих пор смотрим на прошлое через очки, надетые на нас «последним летописцем». Чтобы понять природу образов, вышедших из-под его пера, надо постичь его исследовательскую «кухню». В полной мере это относится к созданию Карамзиным образа «самого страшного русского тирана» — Ивана Грозного.

Что знали о первом русском царе до Карамзина? О нем не существовало целостного исторического нарратива. «Степенная книга» — памятник, который должен был представить фундаментальную картину истории Российского царства как воплощения царства Божьего на земле, в виде лестницы, ступенями («степенями») которой были подвиги русских князей-правителей, а высшей точкой — правление первого богоизбранного царя Ивана Васильевича, — обрывается на 1563 году [22; 24]. Как раз на правление Ивана Грозного приходится временное прекращение русского летописания. В литературе это принято объяснять наступившим «...на рубеже 70–80-х годов XVI века крахом внешней и внутренней политики “яроостиваго” правителя, отказом от попыток свалить переживаемые неудачи на “измены” бояр, невозможностью выработать вполне приемлемую для Ивана IV версию событий его долгого “царства”» [23, с. 14]. Большинство летописей завершает повествование на 1567 году. Однако, как отметил В. И. Корецкий, в конце 1560-х — начале 1570-х годов прекратилось только официальное летописание, а составление местных и частных летописчиков продолжалось [13, с. 12]. Это псковские, новгородские летописи, Соловецкий летописец и др. Царствование Ивана Грозного в них описано фрагментарно. В основном акцент делается на внешнюю политику, на войны и дипломатическую деятельность. Ряд таких летописей обвиняет царя в злодействах (в частности, Новгородском погроме) и критикует за проигрыш Ливонской войны и тяготы, которые несло дворянство в многочисленных боях и походах «за государево имя» (например, псковские летописи).

Но летописного текста, на основе которого можно было бы обстоятельно и подробно реконструировать историю правления Ивана IV, не было создано. Более или менее полные летописные компиляции появятся только во второй половине XVII — XVIII веке (например,

Пискаревский летописец, Латухинская степенная книга, Морозовский летописец). Но и их повествование было очень выборочным. Летописная ситуация сильно осложняла задачу Карамзина и была для него принципиально новой. До этого почти по всем сюжетам русской истории существовал летописный нарратив, который уже организовал материал в некую схему. За ней можно было следовать или нет, ее можно было критиковать и переделывать, но она была: готовая схема со своим сюжетом, героями и антигероями, действующими лицами. Такой материал лежал в основе изысканий Карамзина вплоть до эпохи Василия III включительно. Но в случае с Иваном Грозным такая летопись отсутствовала. Материал нужно было монтировать, взяв схему изложения, ориентир откуда-то еще.

Обратимся к анализу источников раздела «Истории государства Российского», посвященного правлению Ивана Грозного. Карамзин привлек в качестве основных два вида источников — летописи и посольские книги. Из летописей надо указать Синодальный список, Лицевой летописный свод (Царственную книгу), псковские летописи, Архивский список, «Казанскую историю», Никоновскую летопись, Новгородскую летопись по списку Малиновского, Двинскую летопись, Александро-Невскую летопись, «Скифскую историю» Лызлова, Латухинскую Степенную книгу, так называемый Карамзинский хронограф, «Повесть о псковской осаде» и др. [обзор летописных сводов XVI века см.: 11]. Многие оценки и канва событий были взяты Карамзиным из позднего Морозовского летописца (список XVIII века). Посольские книги — это составленные задним числом сборники дипломатических документов (не оригиналы, а копии) [20]. Карамзин использовал польские, крымские, ногайские, шведские и др. В качестве второстепенных источников привлекались опубликованные в «Древней российской вивлиофике» боярские списки (преимущественно свадебные разряды), Стоглав, Судебник 1550 года, некоторые воинские разряды. Часто Карамзин был не очень разборчив. Он одинаково использовал тексты и XVI, и XVII, и даже XVIII веков. (Латухинскую степенную книгу, «Скифскую историю» Лызлова и Морозовский летописец — памятник летописания XVIII века.)

Сегодня такой набор исходного материала сочли бы недостаточным даже для дипломной работы студента-историка. Для начала XIX века это было грандиозное научное достижение (учитывая, что подавляющее большинство источников историограф изучал по рукописям).

Но все эти источники не удовлетворяли Карамзина. В летописях упоминалось о раздорах среди бояр, о междоусобицах и казнях еще во времена малолетства Ивана. Но объяснения, какова в этом была роль юного государя, почему при дворе лилась кровь вельмож, летописи не содержали. Это объяснение надо было прочесть «между строк». Карамзин был слишком честным историком, чтобы просто придумать объяснение «начала черных дней Иоанна». И он начал искать источники, которые это объяснение содержали бы. Воистину бесценным открытием для него оказалась «История о князя великого московского делех» — написанное в Речи Посполитой в начале 1580-х годов сочинение беглого князя-эмигранта и первого русского диссидента Андрея Курбского [14].

Проблема степени достоверности сведений, сообщаемых Курбским, неоднократно обсуждалась в научной литературе [25; 21; 5; 14, с. 479–836]. Не углубляясь в дискуссию, зададимся простым вопросом: насколько доверчиво отнесся бы любой суд к показаниям свидетеля, который: 1) был смертельным врагом царя Ивана, считал его виновником всех своих жизненных бедствий; 2) написал свои «показания» тридцать лет спустя после описываемых событий; 3) целью сочинения Курбского было «показать грехопадение некогда праведного царя», то есть творческий замысел изначально сводился к критике царя Ивана; 4) читателем и адресатом «Истории...» Курбского была шляхта Речи Посполитой, страны, которая находилась с Россией и Иваном IV в состоянии войны. Стоит ли доверять такому свидетелю?

Ответ очевиден. Но для Карамзина Курбский стал источником высшей инстанции, заслуживающим несомненного доверия (он ни разу не усомнился в достоверности сведений, сообщаемых беглым князем). Видимо, особое впечатление на историографа произвела роль, которую себе приписал Курбский: беглец от тирана, борец за свободу и против тирании, обличитель деспота с нравственных позиций — всё это было Карамзину очень интересно и, видимо, духовно близко. Несомненно, созвучен Карамзину был и стиль, слог Курбского, поиск морально-нравственных объяснений — то, чего ему так не хватало у скучных и богобоязненных летописцев. Что касается вопроса о достоверности, Карамзин рассуждал так: «Изгнанник Курбский имел, конечно, злобу на царя, но мог ли явно лгать перед современниками в случаях, известных каждому из них? Он писал для россиян, которые читали сию книгу с жадностью, списывали, хранили в библиотеках... такой чести не оказывают лжецу» [10,

примеч., с. 4, примеч. 3]. Историограф здесь слукавил скорее не по злому умыслу, но по незнанию. Все списки сочинения Курбского относятся к XVII–XVIII векам [6] — то есть русские современники Ивана Грозного не читали Курбского. Князь писал для Речи Посполитой, а в Россию его тексты проникли после Смуты, когда его «ложь» обличать было уже некому.

Карамзин привлекает Курбского в тех случаях, когда ему надо со ссылкой на источники объяснить с точки зрения морали причины поступков Ивана Грозного. Первый раз, когда он берет у князя описание действий бояр, развращающих душу ребенка и учащих его злодействам, жестокостям [9, примеч., с. 29, примеч. 133]. Второй — когда после московского пожара 1547 года к Ивану явился священник Сильвестр, обличениями и проповедью перевернувший душу царя и отвративший его с пути зла, наставив на путь добра [9, примеч., с. 40, примеч. 177–179]. Для подтверждения этой благотельной перемены Карамзин привлекает материалы Хрущовской степенной книги о покаянной речи царя перед народом с Лобного места и так называемом земском «соборе примирения». Причем в примечаниях Карамзин данный фрагмент публикует полностью [9, примеч., с. 40–42, примеч. 182, 184]. Заметим, что этот текст, как показано В. Н. Автократовым, является фальсификатом конца XVII века [1, с. 258–279; 3, с. 238–254; 18, с. 183–186; 12, с. 11–21]. Курбский для Карамзина является главным источником также при описании разгона «Избранной рады» в 1560 году и роли Сильвестра и Адашева в управлении страной [10, примеч., с. 6, примеч. 5, 6, 9–12, 14]. Для подкрепления он приводит цитаты из писем Ивана Грозного к Курбскому, критикующие Сильвестра и Адашева [10, примеч., с. 6–7, примеч. 4, 13, 15, 16, 18].

Таким образом, Курбский для Карамзина оказался источником смыслов русской истории, откуда он черпал объяснения ее ключевых моментов.

Был еще один источник, который Карамзин впервые в историографии столь массово привлек для своей работы, — это записки иностранцев о России. Они содержали объяснения событий (которые часто отсутствовали в летописях) и были более понятны Карамзину как произведения европейской литературной культуры. Его «История...» содержит многочисленные ссылки на сочинения А. Гваньини, Т. Бреденбаха, И. Таубе и Э. Крузе, Дж. Флетчера, П. Петрея, М. Стрыйковского, Даниила Принца и Кобенцля, Р. Гейденштейна, А. Поссевино и других. П. Одеборна, автора первой в истории

биографии царя Ивана (1585) [26], Карамзин сперва отрицает, отвергает как «баснословное» повествование [10, примеч., с. 11, примеч. 34], но затем поддается соблазну (уж больно колоритные факты сообщает немецкий пастор) и несколько раз использует его как источник [10, примеч., с. 61–62, примеч. 183, 184; с. 80, примеч. 250; с. 210, примеч. 603], передавая в своей «Истории...» разные сплетни, гулявшие в XVI веке по Германии. Карамзин в качестве источников использовал и поздние иностранные компиляции, основанные на пересказе слухов, сплетен, мифов и легенд (такие, как созданные в XVII веке тексты Кельха, Фредро и др.). Иван Грозный стал для Карамзина первым героем, рамки для описания которого были в значительной мере взяты из иностранных источников, отнюдь не объективных и часто основанных на пересказе слухов и легенд.

Таким образом, в сочинении образа Ивана Грозного Карамзиным мы видим несколько исходных составляющих, связанных с недостатками метода историографа. К ним нужно отнести слабость источниковедческого анализа, когда поздние источники мифологического характера использовались наравне с аутентичными и оригинальными. Налицо явная зависимость Карамзина от текстов, содержащих объяснения морализаторского характера. Схема истории Ивана Васильевича была заимствована из «Истории...» и писем Курбского и других источников, авторы которых были заведомо настроены против «тирана». Это тексты, созданные в странах, с которыми Россия воевала или находилась в состоянии культурно-религиозного противостояния.

Образ Грозного формировался у Карамзина не только под влиянием источников, но и под воздействием презентизма, культурных и политических установок эпохи, России начала XIX века. Современников, переживших просвещенный абсолютизм Екатерины II, произвол Павла I и возвращение к политическим идеалам «бабушки» при Александре I, волновала природа монаршей власти, возможность ограничения произвола и тирании с помощью благих советников, соотношение проблем власти и морали и т. д. Говорить о них было безопаснее на историческом материале, а современники могли сами делать выводы на основе исторических аллюзий. Карамзинские образы царя Ивана и его советников стали нарицательными. Как пример приведем очень показательное обращение А. И. Тургенева к наставнику юного Александра II В. А. Жуковскому: «Ты не принадлежишь сам себе: имя твое будет известно в дальнейшем потомстве. Роль твоя а'реу през [подобна. — А. Ф.] роли Адашева» [4, с. 6].

Чем же так затронул струны российской души карамзинский Иван Грозный? Историограф поставил вопрос о достоинстве правителя, его высшем праве занимать престол. С одной стороны, «на троне не бывает предателей» [9, с. 6], то есть монарх по определению патриот и радатель за Отечество. С другой стороны, он может быть слаб, неопытен, недостаточно умен, наконец, испорчен, сбит с истинного пути злыми советниками. И тогда он теряет моральное право править своими подданными. Эта проблема компетентного, правильного правителя, обозначенная Карамзиным, была актуальной и в XIX веке и остается таковой по сей день. Цель правления — «править во благо людей», власть должна находить одобрение и поддержку в народе, иначе она ничего не стоит. Править таким образом — «святое искусство» [9, с. 86]. Данный тезис также целиком сохранил востребованность и актуальность на протяжении двух столетий.

Сам приход к власти малолетнего Ивана IV ставит вопрос о том, годится ли он для короны: «...страх, что будет с Государством? волновал души. Никогда Россия не имела столь малолетнего Властителя; никогда — если исключим древнюю, почти баснословную Ольгу — не видала своего кормила государственного в руках юной жены и чужеземки, Литовского ненавистного рода» [9, с. 6] (имеется в виду мать Ивана Елена Глинская, бывшая регентшей при малолетнем государе). И первые шаги новой власти вызывали сомнения в народе: «Россия видела себя под жезлом возникающей олигархии, которой мучительство есть самое опасное и самое несносное. Легче укрыться от одного, нежели от двадцати гонителей. Самодержец гневный уподобляется раздраженному Божеству, пред коим надобно только смиряться; но многочисленные тираны не имеют сей выгоды в глазах народа: он видит в них людей ему подобных и тем более ненавидит злоупотребление власти» [9, с. 10]. Ошибки Елены Глинской — это прежде всего моральные ошибки, несправедливость жизни, неверные моральные ориентиры: «Опасаясь гибельных действий слабости в малолетство Государя самодержавного, Елена считала жестокость твердостью, но сколь последняя, основанная на чистом усердии к добру, необходима для государственного блага, столь первая вредна оному, возбуждая ненависть; а нет Правительства, которое для своих успехов не имело бы нужды в любви народной. Елена предавалась в одно время и нежностям беззаконной любви и свирепству кровожадной злобы!» [9, с. 16].

Юный царь, сбитый с праведного пути льстецами и корыстными советниками, предавался жестоким утехам и правил плохо. Дальше

у Карамзина возникает столь характерный для русской истории мотив жертвы: «Характеры сильные требуют сильного потрясения, чтобы свергнуть с себя иго злых страстей и с живою ревностью устремиться на путь добродетели. Для исправления Иоаннова надлежало сгореть Москве!» [9, с. 95]

Жертва была принесена. Московский пожар 1547 года потряс царя Ивана. В разгар бедствия к нему явился священник Сильвестр, который «...гласом убедительным возвестил ему, что суд Божий гремит над главою Царя легкомысленного и злострастного; что огонь Небесный испепелил Москву; что сила Вышняя волнует народ и лиет фиал гнева в сердца людей. Раскрыв Святое Писание, сей муж указал Иоанну правила, данные Вседержителем сонму Царей земных; заклинал его быть ревностным исполнителем сих уставов; представил ему даже какие-то страшные видения, потряс душу и сердце, овладел воображением, умом юноши и произвел чудо: Иоанн сделался иным человеком; обливаясь слезами раскаяния, простер десницу к наставнику вдохновенному; требовал от него силы быть добродетельным — и приял оную» [9, с. 99–100]. Так возник «первый Иван» — Иван добродетельный, который правил во благо подданных, проводил прогрессивные реформы, успешно воевал с внешними врагами благодаря людям, которыми он себя окружил. «Здесь начинается эпоха Иоанновой славы, новая, ревностная деятельность в правлении, ознаменованная счастливыми для Государства успехами и великими намерениями» [9, с. 101].

Но наступает 1560 год, и выясняется, что греховную натуру царя не переделать. Рождается (точнее, возвращается) «второй Иван» — тиран. Вступление на скользкий путь началось с пустячного, даже в чем-то подросткового желания самостоятельности: царь «скучал излишно строгими нравоучениями своих любимцев и хотел свободы; не мыслил оставить добродетели: желал единственно избавиться от учителей и доказать, что может без них обойтись». Были изгнаны благие советники, и царь впал в моральный разврат: «Ежедневно вымышлялись новые потехи, игрища, на коих трезвость, самая важность, самая пристойность считались непристойностию». Падение нравов вело к жестокостям, тирании, произволу — и как следствие упадку государства [10, с. 8–16]. Тем самым Карамзин объяснял благополучие или неблагополучие государства, переиначивая на современный лад провиденциалистскую идею, что народ несет ответственность за грехи своего правителя. Успешный и правильный правитель всегда высокоморален, тиран всегда аморален. Эта идея Карамзина

также была созвучна его эпохе и находит сторонников по сей день. Как справедливо отметила Е. А. Жесткова, для Карамзина «история сохраняла свой этический смысл» [7, с. 290; ср.: 17, с. 40–47].

Отсюда и «слабость» Карамзина как историка, его обращение к сочинениям Курбского и иностранцев о России. В русских источниках нельзя было найти массовых свидетельств гнусных деяний царя Ивана, колоритных, со смакованием описаний его злодейств, убийств, изощренных надругательств, изнасилований и т. д. Зато у Одеборна и ему подобных авторов этого было в избытке. Приводимые ими примеры (не важно, реальные или вымышленные) прекрасно вписывались в карамзинскую схему, питали ее. И Карамзин дал этим образам вторую жизнь, использовал их для написания своей «Истории...» и тем самым навеки связал образ Ивана Грозного и образ гнусного, жестокого тирана и распутника. Царь Иван стал под его пером символическим злодеем в русской истории, образ которого потеснит в XX веке только образ Иосифа Сталина. Равных ему по концентрации негатива до второй половины XX века в русской исторической мысли не было.

Карамзину был нужен главный антигерой российской истории, причем не иноземный враг, с которым все ясно по определению, а падший грешник, персонаж, который был призван стать героем, но оступился, переродился и превратился в свою противоположность. Такую фигуру надлежало искать в прошлом, в средневековье или Московской Руси (дабы избежать рискованных параллелей с правящей династией Романовых). Иван Грозный здесь подходил идеально, тем более Карамзин искренне считал, что не изобретает его образ, а «открывает глаза» на тайные и драматические события русской истории, которые никого не оставят равнодушным.

В последнем великий историограф не ошибся. Сила воздействия созданного им образа оказалась такова, что царя Ивана не решились поместить на памятник 1000-летию России, воздвигнутый в Великом Новгороде в 1862 году. Несомненные достижения царствования Ивана Грозного при этом оказались приписаны... Ивану III. Именно Ивану III коленопреклоненный татарин дает знак власти — бунчук, что может быть соотнесено с покоренными в 1552 году Казанью и в 1556 году Астраханью, но никак не соотносится с Иваном III, который сверг власть Большой Орды в 1480 году на реке Угре, но не покорил ни одного татарского ханства и не принимал от татар знаков власти (а Иван Грозный принимал). У ног государя со сломанным мечом лежит поверженный ливонец — но Иван III очень мало воевал

с Ливонией, зато ее уничтожил в 1561 году Иван Грозный в ходе Ливонской войны. Мало того, за спиной Ивана III помещена фигура сибиряка — символ грядущего освоения Сибири, которое начнется спустя чуть ли не столетие после «государя всея Руси», в 1582 году, при Иване IV. В результате получилось, что на памятнике — две (sic!) фигуры Ивана III. Одна на среднем ярусе, в окружении покоренных татар (которых он не покорял) и разбитых ливонцев (которых он не разбивал), и другая — на фризе, среди государственных людей.

На памятнике помещены фигуры современников Ивана Грозного: Максима Грека, митрополита Макария, первого казанского архиепископа Гурия, священника Сильвестра, Алексея Адашева, воеводы Михаила Воротынского, Ермака Тимофеевича, даже первой жены царя Анастасии Романовой. А вот ее мужа нет. По популярной версии — потому, что памятник ставился в Новгороде, и новгородцам был памятен кровавый опричный погром Новгорода в 1570 году. Ни одно царствование до Ивана IV не дало столько персонажей, которым нашлось место на памятнике (больше дали только царствования Петра I, Екатерины II, Александра I). Но в отношении Ивана Васильевича сбылось пророчество Карамзина: «История злопамятнее народа».

Литература

1. *Автократов В. Н.* «Речь Ивана Грозного 1550 г.» как политический памфлет конца XVII века // Труды отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1955. Т. 11. С. 258–279.
2. *Афиани В. Ю.* Н. М. Карамзин: «первый наш историк и последний летописец» // Историография истории России. М., 2013. С. 93–105.
3. *Веселовский С. Б.* Исследования по истории опричнины. М., 1963.
4. *Дневник А. И. Тургенева за июль–август 1837 г.* // Грот К. Я. В. А. Жуковский в Москве в 1837 г. СПб., 1902.
5. *Елисеев С. А.* «История о великом князе Московском» А. М. Курбского как памятник русской исторической мысли: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1984.
6. *Ерусалимский К. Ю.* Сборник Курбского: Исследование книжной культуры: в 2 т. М., 2009. Т. 1.
7. *Жесткова Е. А.* Эпоха Иоанна Грозного в изображении Н. М. Карамзина и А. К. Толстого // Мир науки, культуры, образования. 2011. № 6. С. 290–294.
8. *Живов В.* Чувствительный национализм: Карамзин, Ростопчин, национальный суверенитет и поиски национальной идентичности // Новое литературное обозрение. 2008. № 91. С. 114–140.

9. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1819. Т. VIII.
10. *Карамзин Н. М.* История государства Российского. СПб., 1821. Т. IX.
11. *Клосс Б. М.* Никоновский свод и русские летописи XVI–XVII веков. М., 1980.
12. *Козлов В. П.* Тайны фальсификации. М., 1996.
13. *Корецкий В. И.* История русского летописания второй половины XVI — начала XVII в. М., 1986.
14. *Курбский А.* История о делах великого князя московского / Изд. подг. К. Ю. Ерусалимский. М., 2015.
15. *Летняков Д. Э. Н. М.* Карамзин и зарождение националистического дискурса в России // История философии. 2016. Т. 21. № 1. С. 72–86.
16. *Лотман Ю. М.* Сотворение Карамзина. М., 1986.
17. *Маджаров А. С. Н. М.* Карамзин о нравственном начале и Провидении в русской истории и историографии // Известия Иркутского государственного университета. Серия «Политология. Религиоведение». 2016. Т. 16. С. 40–47.
18. *Морозов С. А.* К исследованию одной источниковедческой загадки (интерполяции в так называемой Хрущовской степенной книге и методика их анализа) // Спорные вопросы отечественной истории XI–XVIII веков. М., 1990. Ч. 2. С. 183–186.
19. *Парсамов В. С.* Карамзин и формирование исторической культуры в России: к проблеме «историк и аудитория» // Историческая культура императорской России: Формирование представлений о прошлом. М., 2012. С. 219–234.
20. *Рогожин Н. М.* Посольские книги России конца XV — начала XVII вв. М., 1994.
21. *Рыков Ю. Д.* «История о великом князе Московском» как источник по истории опричнины: автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1972.
22. *Сиренов А. В.* Степенная книга: История текста. М., 2007.
23. *Солодкин Я. Г.* История позднего русского летописания. М., 1997.
24. *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб., 2009.
25. *Ясинский А. Н.* Сочинения князя Курбского как исторический материал. Киев, 1889.
26. *Oderbornius P.* Ioannis Basilidis Magni Moscoviae Ducis Vita. Wittenberg, 1585.